

УДК 821.161.1-3

**«ЛОЛИТА» В. НАБОКОВА КАК АНТИПАРОДИЯ:
ВЗГЛЯД НА ЛОЛИТУ КАК НА ПРОСТИТУТКУ****И. С. Беляева**Тверской государственный технический университет
кафедра иностранных языков

Статья посвящена обоснованию рассмотрения отношений Гумберта с Лолитой в контексте его отношений с малолетними проститутками Моникой и Марией. Доказывается, что в тернарной структуре *Моника – Лолита – Мария* Лолита представляет собой умеренный центр, а Моника и Мария – предельные полюса. Выстраивающаяся оппозиция выпукло и отчетливо выявляет антипародийную трагедийную природу романа Набокова.

Ключевые слова: пародия, тернарная структура, «Лолита» В. Набокова.

«...Из тех восьмидесяти или девяноста шлюх, которые в разное время по моей просьбе мною занимались...» [4, с. 33], Гумберт Гумберт рассказывает о двух, Монике и Марии, которым посвящена отдельная, шестая глава первой части. Они оказываются совершенными противоположностями друг другу. На их фоне, как нам представляется, отчетливее проясняется отношение Гумберта к Лолите: между тремя девушками легко обнаруживается множество общих деталей, выстраивающих их в ряд «Гумберт и проститутки», где Моника и Мария оказываются полюсами, причем взаимно пародирующими друг друга, а Лолита представляет собой как бы умеренный центр, вбирающий в себя элементы этих взаимопародируемых полюсов, тут же их синтезирующий, тут же их отрицающий и, в конечном счете, пародирующий самый смысл, самый критерий выстраивания парадигмы. Рассмотрим основные моменты этих соотношений.

Начнем с того, что поначалу подается Гумбертом как главное в его исповеди: «...великий подвиг манит меня: определить раз навсегда гибельное очарование нимфеток» [Там же, с. 166]. Лолита, безусловная нимфетка, представляется Гумберту великолепным материалом и одновременно полем деятельности для свершения этого подвига. Однако «изучать» нимфеток Гумберт начинает гораздо раньше встречи с Лолитой, наблюдая за бойкими школьницами в публичных парках, в городских автобусах, выглядывая их силуэты в вечерних окнах. Он изучает и литературу о признаках «приближения половой зрелости» [Там же, с. 30], оказывается способен и *на практике* быстро и безошибочно определять возраст девочек. Так, «из многих подробностей» «компактного, как бы точеного и до странности неразвитого тела» [Там же, с. 32] Моника Гумберт «вывел», что она, прочирикавшая, что ей восемнадцать лет, «скорее прибавляет, чем убавляет себе годика два» [Там же], в то время как про Марию Гумберт мимоходом, но без колебаний заявляет, что лет ей «по крайней мере пятнадцать» [Там же, с. 34]. Моника и Мария, по его представлениям, почти ровесницы, обе уже *вышедшие* из нимфеточного возраста. Мария, по его мнению, даже младше, однако же именно она его и не привлекает. Мария не соответствует нравящемуся Гумберту типу женской красоты [1], ведь, с

точки зрения Гумберта, она не нимфетка, никогда ею не была и не привлекает его именно потому, что это «чудовищно упитанная, смуглая, отталкивающе некрасивая девушка» [4, с. 34], с грузными ляжками, «с малиновыми лентами в тяжелых черных косах» [Там же, с. 35], в то время как внешние данные Моники (круглое, с ямочками, личико, длинные ресницы, маленький ловкий зад и т. д.) даже сейчас, в ее шестнадцать-восемнадцать лет, Гумберту приятны: её юное тело «еще хранило (вот это-то и было нимфическим эхом, холодком наслаждения, взмывом в чреслах) что-то детское» [Там же, с. 32].

В этой связи вспомним: однажды, много позже, Гумберт смотрел на Лолиту, уже четырнадцатилетнюю, причем «она находилась прямо в фокусе ... [его] накаленного добела гнева» [Там же, с. 250] и – принципиально важно! – «Мгла вождения рассеялась, ничего не оставив, кроме этой страшной светозарности» [Там же, с. 250–251], в которой он видел: «О да, она переменялась!» [Там же, с. 251]. И в этот момент, скользя глазами по ее телу и отмечая возрастные изменения, произошедшие в нем, Гумберт вспоминает Монику, при этом как будто *не* вспоминая ее: «Эта краска [губная помада] оставила след на ее [Лолиты] передних зубах, и меня пронзило одно воспоминание – о, не образ воскресшей Моники, а образ другой, очень молодой проституточки в борделе, много лет тому назад, которую кто-то успел перехватить, пока я решал, искушает ли ее единственная прелесть – юность – ужасную возможность заразиться Бог знает чем, и у которой были точно такие же горящие маслаки, и умершая мама, и *крупные передние зубы*, и обрывок *тускло красной ленточки* в простонародно-русых волосах» [Там же, с. 251; курсив мой. – И.Б.]. Заметим, что возникший перед мысленным взором Гумберта образ молодой проституточки естественным образом сочетает в себе черты не только Моники, но и Марии, причем от Моники в нем то, что Гумберту нравится (крупные передние зубы, худощавость), а от Марии – деталь, вызвавшая (как и всё в Марии) в свое время брезгливость (тускло-красная ленточка в волосах), и вполне возможно, что эта ленточка тоже послужила причиной колебаний Гумберта, прибегнуть ли к услугам юной проституточки; скорее всего, она и не была нимфеткой, ибо юность сама по себе не подразумевает нимфетства, а здесь юность (как и в случае Марии), будучи «единственной прелестью» [Там же], еще и нарочито подчеркивается лентами в волосах.

Итак, Моника и приглянулась Гумберту именно потому, что в ней «беспризорная нимфетка просвечивала сквозь деловитую молодую проститутку» [Там же, с. 34]. Собственно, Гумберт и вспоминает Монику (и тут же сравнивает ее с Марией), дабы представить ее нам как будущее нимфеток, как то, «во что они превращаются, эти обаятельные, сумасводящие нимфетки, когда подрастают» [Там же, с. 31]. Этот свой вывод Гумберт затем «подтверждает» и поддерживает, неоднократно характеризуя как шлюшку самоё Лолиту, например: «Затем она вкралась в ожидавшие ее объятия, сияющая, размякшая, ласкающая меня взглядом нежных, таинственных, порочных, равнодушных, сумеречных глаз – ни дать ни взять банальнейшая шлюшка. Ибо вот кому подражают нимфетки – пока мы стонем и умираем» [Там же, с. 150].

Само появление понятия шлюшки / проститутки незамедлительно выносит на передний план вопросы денег и тела (проституция – продажа женщинами своего тела [5]). Излишне повторять, что в отношениях Гумберта и Лолиты деньги занимают первостепенное место: ласки Лолиты, как мы знаем, Гумберт вскоре стал покупать. А наряду с денежной «оплатой» услуг Лолиты Гумберт практикует – и, собственно, с этого он начал соблазнение – одаривание (как подкуп или вознагра-

дение) ее другими материальными «благами», в первую очередь одеждой. Как тут не вспомнить, что Моника «с большим смаком» [4, с. 33] употребила данные Гумбертом пятьдесят франков «сверх уговора» [Там же] на покупку чулок и что реакция Гумберта на это была замечательная: «...и не дай мне Бог когда-либо забыть маленький лопающийся звук детских губ этой парижаночки на слове “bas”, произнесенном ею так сочно, что “a” чуть не превратилось в краткое бойкое “o”» [Там же; курсив мой. – И. Б.]. Он и не забыл: в лагерь «Ку» Гумберт явился с «изящным чемоданом» [Там же, с. 136], полным «прелестных обнов для Ло» [Там же, с. 134], что можно расценить как подкуп в надежде снискать расположение сиротки в предвкушении ночи с ней, одурманенной снотворным, в «Привале Зачарованных Охотников», а уже после этого в «веселом» Лепингвиле в качестве вознаграждения и заглаживания вины он купил ей всякой всячины, от комиксов до прозрачного пластикового макинтоша и «много еще носильных вещей – модных свитеров, штанишек, всяких летних платьев...» [Там же, с. 175–176].

Итак, приведенные выше немногочисленные, но важные детали и факты поддерживают и, в свою очередь, обретают еще большую значимость благодаря выстраиванию в романе тернарной структуры «Моника – Лолита – Мария», вписывающей отношения Гумберта с Лолитой в парадигму его отношений с проститутками. Перейдем теперь к одной из последних глав исповеди Гумберта, в которой описывается его последняя встреча с Лолитой. Принципиально важно при этом, что эта встреча полностью выдумана Гумбертом.

Уже не раз говорилось, что в этом эпизоде Гумберт сотворяет Лолите такое будущее, о котором она мечтала, восстанавливая его по деталям, отмеченным им за годы их совместной жизни: по запомнившимся ему оброненным ею фразам, по нравившимся ей фильмам, по фотографиям в журналах, которые привлекали ее внимание. Гумберту в этом им же самим создаваемом будущем Лолиты места нет, более того, всю сцену последней встречи с Лолитой справедливо можно назвать «актом самоотречения» Гумберта [3, с. 318]. Тем не менее принципиально важно, что так же, как выдуманная им судьба Лолиты «выглядит правдоподобно банальной» [Там же], так же правдоподобно банально Гумберт выстраивает и свой образ в этой придуманной судьбе, причем, в отличие от изменившейся Лолиты, он, приехавший в Коулмонт, уже осознав не только всю чудовищность своего обращения с Лолитой в те два года, что она находилась в его власти, но и поняв свою любовь к ней, любовь настоящую и искреннюю, – себя никак *не* изменяет, а, напротив, воссоздает, повторяет, уточняет и заостряет привычную схему своих отношений с Лолитой – отношений товарно-денежных.

Начнем с того, что, по творческой воле Гумберта, написать письмо, которое он получает от Лолиты, ее заставила только и исключительно нехватка денег: Лолита просит Гумберта, «дорогого Папу», выслать им с Диком чек [4, с. 327]. Вышедшая замуж и ждущая ребенка Лолита не спешит делиться с «папой» радостью, но пишет ему, лишь когда уже не может обойтись без его материальной поддержки. Иными словами, Лолита и Гумберт по-прежнему не могут говорить «о чем-нибудь отвлеченном <...> о любом *настоящем* предмете» [Там же, с. 348]. Более того, по признанию Гумберта, «единственной благостной, приемлемой минутой за все [их] свидание» была, «как ни странно», минута, когда они «смотрели друг на дружку, ощетинившись, словно она все еще была [его]» [Там же, с. 332]. Здесь Гумберт как будто продолжает думать о ней в прежних *телесных* категориях – и вспоминает обычную, привычную для них схему поведения, когда за ссорами, криками и руганью следовало физическое соединение.

Далее. За двумя самыми пронзительными любовными признаниями Гумберта в главе, описывающей его пребывание в доме четы Скиллеров, немедленно следует апеллирование к денежным вопросам.

Первое, что говорит (точнее, «каркает» [Там же, с. 330]) Гумберт Лолите, переступив порог ее дома, – это «Муж дома?» [Там же]. Следующая его фраза, после того как он увидел «сквозь пройму задней двери» Дика: «Это не тот, что мне нужен» [Там же, с. 331]. Между этими двумя фразами, полностью сосредоточенными на человеке, укравшем ее, человеке, которого Гумберт приехал убить, – его признание: «Любопытно: хотя в сущности ее красота увяла, мне стало ясно только теперь – в этот безнадежно поздний час жизненного дня – как она похожа – как всегда была похожа – на рыжеватую Венеру Боттичелли» [Там же]. Отметим, однако же, вводное слово «любопытно», предвещающее это признание, – как будто Гумберт продолжает «изучение» нимфеток, их роли в своей жизни, их влияния на свою жизнь. Вслед же за этим признанием Гумберт продолжает выпытывать имя ее похитителя: «Я возразил, что ей полагается быть *благоразумной*, полагается быть *очень* *благоразумной* девочкой (*с таким голым барабаном под тонкой коричневой материей*), ибо, *если она рассчитывает на помощь, которую я собирался оказать, то должна* понять, что мне нужно знать все» [Там же, с. 332; курсив мой. – И. Б.]. Иными словами, Гумберт откровенно шантажирует ее – то есть намеренно и сознательно придумывает и описывает, как шантажирует ее.

Немного позже Гумберт делает еще одно пронзительное признание: «...и я глядел, и не мог наглядеться, и знал – столь же твердо, как то, что умру, – что я люблю ее больше всего, что когда-либо видел или мог вообразить на этом свете, или мечтал увидеть на том. <...> Неистово хочу, чтобы весь свет узнал, как я люблю свою Лолиту, *эту* Лолиту, бледную и оскверненную, с чужим ребенком под сердцем, но все еще сероглазую, все еще с сурмянистыми ресницами, все еще русую и миндальную, все еще Карменситу, все еще мою, мою...» [Там же, с. 340].

Сделав это признание, Гумберт зовет Лолиту уехать с ним. И вновь – здесь и сейчас, в создаваемом им мире, в им же придумываемом окончании их с Лолитой отношений – Лолита отвечает так, как будто не ждет от него ничего иного, кроме как отношения к ней как к проститутке: «“Ты хочешь сказать”, ответила она, открыв глаза и слегка приподнявшись (змея, собирающаяся ударить), “ты хочешь сказать, что дашь нам (нам!) денег, только если я пересплю с тобой в гостинице? Ты *это* хочешь сказать?”» [Там же, с. 341]. Когда же он объясняет, что она его «превратно поняла», она называет его ненормальным [Там же], то есть вслух признает, что вести себя с ней таким образом – ненормально для него. Услышав же, что деньги она получит в любом случае, переспрашивает, не шутит ли он, – ведь и в самом деле, подобного в их отношениях раньше не было. Наконец, в качестве апогея, Гумберт отмечает, что они «попробовали найти тему для разговора» [Там же, с. 342] и не смогли, так что «В конце концов, пришлось вернуться к *денежным* вопросам» [Там же; курсив мой. – И. Б.].

Итак, важнейшую роль во всем этом эпизоде играют именно тело и деньги. И подчеркнуть телесно-денежный аспект отношений Гумберта и Лолиты ему помогают отсылки к Монике и Марии как несомненным объектам именно таких отношений. Более того, ниточки, ведущие от Моника и Марии к Лолите и наоборот, стягиваются, переплетаясь в единый узел, обеспечивая развязку сюжетной линии отношений Гумберта и Лолиты. Рассмотрим этот узор подробнее.

Вспомним, разговор с Моникой начинается так: «Я осведомился о ее цене, и она немедленно ответила с музыкальной серебряной точностью (птица, сущая пти-

ца!): “Cent”. Я попробовал поторговаться» [Там же, с. 32]. Здесь забавно сочетание восхищения Гумберта как музыкальным, серебряным (клише, штампы!) голосом Моника, так и точностью указания ею своей цены. А вслед за указанием суммы немедленно следует реакция Гумберта: несмотря на восхищение ее внешностью и голосом, он пробует торговаться. Собственно, в отношениях Лолиты и Гумберта сочетается та же точность оплаты с попытками торговаться – предпринимаемыми, впрочем, обеими сторонами: «Ее *недельное жалование*, выплачиваемое ей при условии, что она будет исполнять трижды в сутки основные свои обязанности, *было, в начале Бердслейской эры*, двадцать один цент (к концу этой эры оно дошло до доллара и пяти центов, что уже составляло не один цент, а целых пять за сеанс). Это было *более чем щедрой оплатой*, если принять во внимание, что девочка постоянно получала <...> *всякие мелкие подарки*. <...> С ней бывало, однако, не легко. Уж больно апатично зарабатывала она свои три копейки (а потом три пятака) в день, а в иных случаях *умела жестоко торговаться*» [Там же, с. 226; курсив мой. – И. Б.].

Сумму в сто франков, которую в своей «гнусной комнатке» «прежде всего потребовала» [Там же, с. 32] Моника, и 4 000 долларов, которые Гумберт дает Лолите в ее «бедной, кукольного образца, комнате» [Там же, с. 331], он называет одинаково – «*petit cadeau*». Нам кажется, что Гумберт неслучайно называет две суммы одинаково. Разница между ними, однако, существенная и сущностная. Во-первых, Гумберт приводит разные переводы словосочетания «*petit cadeau*» в прилагаемом к тексту своей исповеди в русской версии романа разделе «Перевод иностранных терминов». То, что требует Моника (сумма в сто франков), он называет снисходительно-пренебрежительно «подарочком», в то время как передаваемый им Лолите «конверт с четырьмястами долларами и чеком на три тысячи шестьсот» [Там же, с. 341] со скромной щедростью и претензией на пафос именуется «моим маленьким подарком».

Во-вторых, Моника *требует «свой»* [Там же, с. 32] *petit cadeau*, а Лолита *принимает Гумбертов petit cadeau* («*тон petit cadeau*» [Там же, с. 341; курсив мой. – И. Б.]). Эти разбирательства с требованием денег усложняет и обогащает воспоминание о Марии. Как Моника «потребовала свой *petit cadeau*» [Там же, с. 32], так и сводня «потребовала “*son argent*”» [Там же, с. 35]. Интересно не только то, что они обе *требуют* денег, но и то, что в отношении обеих Гумберт использует определение «свой, свои (*son*)», но в случае со сводней приводит текст в оригинале, по-французски, подав как прямую речь, то есть процитировав то, что, по всей видимости, прозвучало, – любопытно, что мы не знаем, что сказала и какими именно словами «потребовала» свои сто франков Моника. В то же время примечательно, что сама Мария, которой (а не требующей их сводне) в конце концов отдает деньги Гумберт, принимает их совершенно безучастно: Гумберт «сунул деньги в ее равнодушную руку» [Там же].

В этом товарно-денежном вопросе между Моникой, требующей свои деньги, и Марией, принимающей их равнодушно, стоит Лолита, которая просит у Гумберта денег как у отца, а когда он неожиданно для нее приезжает, не просит и тем более не требует их, но помнит про них на всем протяжении их нелегкого разговора, ожидая от него даже требования переспать с ним за эти деньги, – и принимает от Гумберта конверт с деньгами «неуверенно, с опаской» [Там же, с. 341], и лоб у нее заливается «очаровательной розовой краской» [Там же]. С другой стороны, и Гумберту нравится и вызывает у него желание требующая денег бывшая нимфетка Моника – так же, как и сама нимфетка Лолита, рассматриваемая лишь в категориях

тела; и так же, как к Марии, не нимфетке, равнодушной и спокойной, он способен чувствовать жалость, но отнюдь не физическое влечение, он испытывает иные, над-телесные, чувства ко взрослой не-нимфетке Лолите, уже вышедшей из-под его контроля.

Таким образом, Гумберт в заключительных, выдуманных главах своей исповеди поднимается в своем отношении к Лолите над привычными, исходно им заданными товарно-денежными отношениями с ней, превращая «Лолиту» в высокую трагедию (см. также [2]).

Список литературы

1. Беляева И. С. «Мотыльки, как беспризорные снежинки»: тема беспризорности в «Лолите» В. Набокова // Новый филологический вестник. 2016. № 3. (В печати.)
2. Беляева И. С. Последняя встреча с Лолитой и убийство Клэра Куильти. Еще раз о пародийности романа Набокова // Набоковский сборник: Материалы научной программы «Набоковские чтения» Музея В. В. Набокова Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. № 2. С. 102–114.
3. Долинин А. «Двойное время» у Набокова. (От «Дара» к «Лолите») // Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. С. 294–330.
4. Набоков В. В. Лолита // Набоков В. В. Собр. соч. американского периода: в 5 т. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2003. С. 9–390.
5. Ожегов С. И. Проституция // Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 572.

V. NABOKOV'S *LOLITA* AS AN ANTIPARODY: REGARDING *LOLITA* AS A PROSTITUTE

I. S. Belyaeva

Tver State Technical University
the Department of Foreign Languages

The article suggests looking at Humbert's relations with Lolita in the context of his relations with Monique and Marie, the young prostitutes. It is stated that in Monique – Lolita – Marie structure, Lolita is a moderate centre while Monique and Marie are extreme poles. This opposition further reveals tragical nature of Nabokov's novel.

Keywords: *parody, ternary structure, Lolita by V. Nabokov.*

Об авторе:

БЕЛЯЕВА Ирина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тверского государственного технического университета (170023, Тверь ул. М. Конева, д. 12), e-mail: irina_eng@mail.ru.

About the author:

BELYAEVA Irina Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University (170023, Tver, M. Konev str., 12), e-mail: irina_eng@mail.ru.